

ЧЕРНОВИЦКИЙ театр не один раз гастроллировал в Киеве и всегда его встречают с интересом. Что привлекает в работе буковинских мастеров сцены? Прежде всего избирательность и последовательность репертуарной линии. Не всегда постановки театра увеличиваются успехом, но всегда они имеют в своей основе первоклассный драматургический материал. Но случайности здесь минимальны и можно почти безошибочно сказать, почему коллектив обратился к той или иной пьесе.

Работая в буковинском крае, театр стремится образно отразить его историю, обновленную действительность, сценически утвердить героев прошлого и настоящего. Так театр первым дал путевку в жизнь социально насыщенным, психологически углубленным произведениям Ольги Кобылянской. Благодаря стараниям режиссера и драматурга В. Василько, зрители сначала увидели трагедийное представление «Земля», а в последствии не менее трагическую «Волчиху» (инсценировка А. Ананьева). Оба спектакля — сильные, впечатляющие сказания о волчьих законах капиталистического общества, в котором человеческие жизни и человеческие судьбы приносятся в жертву собственнической алчности. Редко в каком театре так часто и сесторонне раскрывается «местная тема», как в Черновиках.

Это мы видели не только в «Земле», «Волчихе», а и в пьесах Э. Прокленко, Г. Мизюна, Л. Болковенко, В. Зубаря, М. Андриевич, В. Бабляка и других, преимущественно черновицких авторов. И если одна из последних работ театра — «Маричка» М. Андриевич, не безупречна, с точки зрения драматургии, то театром руководил благородная цель — перевернуть еще одну страницу из окружающей жизни, выступить в защиту природы, в данном случае карпатского леса, против браконьерства буквально и символического. Поддержка уже проявивших себя способных авторов, внимательные поиски новых молодых талантов — одна из кровных обязанностей театра и

не только ради разработки — «буковинской темы», но и для пополнения семьи драматургов. Впрочем, местных тем не бывает. Если произведение, созданное на основе местного жизненного материала получило глубокое художественное обобщение, оно становится общезначимым, интересным для всех. Уместно вспомнить здесь добрым словом бывшего художественного руководителя театра, покойного Б. Борина, активно работавшего над новыми пьесами украинских авторов

ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО

ров, часто рисковавшего ставить драматургические первенцы.

В традициях черновчан — и бережное отношение к ветеранам сцены. Приятно видеть, что наряду с многими способными актерами среднего и молодого поколений, в новых постановках театра принимают деятельное участие такие прекрасные мастера своего дела, как Г. Янушевич, П. Михневич, Ю. Козаковский и другие исполнители, не первый год радующие зрителя добротными сценическими творениями. Ветераны, кстати, показывают примеры синтетического актерского искусства. Им доступны и комедийные интонации, и трагедийные ноты. Ю. Козаковский, например, трогательно смешит в водевиле Н. Думбадзе и Г. Лоркинаидзе «Я, моя бабушка, Иллко и Илларион» (в образе Иллко), и драматичен в роли судьи Дубровского в эпископальной пьесе Н. Кочерги «Алмазный жернов».

Не могу не отметить и того факта, что Черновицкий театр первый на Украине обратился к Ислеккой, но всегда политически наступательной драматургии немецкого прогрессивно-

го писателя Бертольда Брехта. Имею в виду постановку его исторической драмы «Мамаша Кураж и ее дети», осуществленную режиссером Е. Золотовой.

К чему мы занялись ретроспективными размышлениями? Во-первых, для того, чтобы указать на отличительные особенности театра. Во-вторых, потому, что ему во время гастролей в Киеве не очень-то повезло с разбором работ в прессе. Имею в виду, в частности, необъективную и без-

справно творческие задачи, но и стремятся решать их нестандартными средствами, по-своему сценически осмысливают и истолковывают сценический материал, порой даже уточняют авторский замысел. Можно спорить, надо ли «поправлять» авторов или нет, но В. Грипич во имя усиления звучания пьесы, ее, так сказать, осовременивания (в хорошем смысле), вмешивается и в авторский рассказ, то ли сокращая и пересмысливая отдельные образы, то ли несколько изменяя их

В ПОИСКЕ

доказательную замечку в «Литературній Україні» «Здобутки і втрати», в которой дается, так сказать, сравнительная оценка двум постановкам «Зачарованного ветряка» М. Стельмаха в Житомирском и Черновицком театрах. В заметке, видимо написанной с полемической целью, «все наоборот». То, что общественность и театральная критика признали не совсем полноценным, выдается за совершенство (спектакль житомирцев), а то, что отмечено как интересные художественные поиски огульно, без какого-либо анализа, отрицается (спектакль черновчан). Я уже не говорю о том, что в заметке не указываются даже имена режиссеров.

Между тем новое художественное руководство театра в лице режиссера В. Грипича недвусмысленно заявило о своих творческих устремлениях. Достаточно сказать, что за один сезон здесь поставлено три таких сложных, масштабных, исполненных философии и поэзии пьес, как «Зачарованный ветряк», «Алмазный жернов» и «Каменный властелин». То, что мы видели, позволяет нам утверждать, что в коллективе не только хорошо понимают

судьбы. Такое, скажем, случилось в «Алмазном жернове». В спектакле, по воле режиссера, подсюдок Лабенцкий в вознаграждение за свое рыцарское преследование гайдамаков становится житомирским судьей вместо противоречивого и не совсем последовательного, с точки зрения польской шляхты, Дубровского, а роль мудреца Цвикловича сокращается, освобождается от излишней условности. К тому же драма по современным понятиям несколько громоздка, и не только позволяет, а и требует уплотнения. Меняют ли допущенные переакцентации смысл событий, претерпевают ли изменения основная авторская концепция? Нет!

Что хотел сказать Н. Кочерга в своей глубокой и острой по драматической интриге пьесе? Алмазным жерновом называется пропавший во время гайдамацкого восстания в 1768 году (Колывицщина) драгоценный камень княгини Вилькомирской. Поиском его и посвящена фабула пьесы. Жернов — это еще и символическое обобщение панской гнета и неотвратимой мести восставших против поработителей и организаторов страшной Кодненской

расправы. Жернов, являющийся сквозным образом драмы, выступает, так сказать, в различных обликах, во всяком случае в трех, хотя скромный автор говорил только о противопоставлении двух камней — фамлявского алмаза и жернова народной борьбы. Так, во всяком случае, писал Н. Кочерга в своем письме к постановщику пьесы В. Василько в 1928 году.

Последний мотив особенно явно звучит в спектакле черновчан, что еще более политизирует пьесу, исполненную сложных социальных, национальных и психологических коллизий.

Компактная установка художника В. Лассана дает возможность концентрировать сценическое действие, достигнуть непрерывности в течении событий. Опытный актерский состав успешно помогает режиссеру в донесении замысла произведения, в раскрытии его философской идеи, в реалистическом изображении действующих лиц. Игра почти всех исполнителей выразительна, строга, собрана. Это касается и героических образов, и мелодраматических, и даже гротесковых. И В. Попова (Стася), и М. Заняк (Хмарный), и В. Коваль (Скряга), и А. Савка (Шенчик), Ю. Козаковский, М. Сиренко, Л. Грипич, В. Шептекиа, О. Ильин, П. Михневич, А. Шермет ведут свои роли в хорошей, сдержанной манере. Можно было бы назвать и других исполнителей, но дело не в перечислении. Важнее отметить ровность, ансамблевость актерской игры, что придает спектаклю определенную цельность и законченность.

Хотелось бы остановиться еще на постановке «Я, моя бабушка, Иллко и Илларион». Сейчас Украина готовится к смотру спектаклей, созданных по произведениям писателей братских советских народов. Это, кажется, первый опыт во всеобъемном масштабе. Постановка произведений национальных драматургов имеет не толь-

ко больше политическое значение (укрепление дружбы народов, единение братских культур), но и выдвигает важные эстетические проблемы. За счет чего обогащается зритель, с какими сторонами неизменной жизни он знакомится, как сценически донесены специфические материалы? Тут и национальные особенности человеческих образов, и языковые акценты и тому подобное.

Но оставляя теоретические обобщения на после, когда появится больше фактического материала, скажем лишь, что в Черновиках сумели тактично разыграть популярную грузинскую комедию, идущую на сцене многих театров нашей страны. Здесь, естественно, стремились к показу особенностей места действия (светлые, живописные оформления Я. Сечкаря), людских характеров, национального юмора, интонационного и пластического своеобразия. Но режиссер Е. Золотов, видимо, старательно заботился о том, чтобы в погоне за внешними приметами не терялась сущность произведения. А она благородна по своему замыслу. Говорится о торжестве добра, хотя это и выражено в комедийной форме. И здесь, подобно другим постановкам, в единой творческой супруге дружно играют и ветераны — Г. Янушевич (бабушка), П. Михневич (Илларион), Ю. Козаковский (Иллко) и молодой В. Шептекиа (Зурико). Последнему, как это ни странно, больше уделяется первая половина роли, где Зурико выступает школьником (ребячья непосредственность передается без сусальности и нажима) и меньше — вторая, когда герой взрослеет.

Если новое художественное руководство сумеет сочетать добрые традиции театра — показ жизни обновленного края, активное сценическое утверждение современной темы — с плодотворными поисками яркой, поэтической образности, черновчане еще больше порадуят зрителя своими спектаклями.

Иосиф КИСЕЛЕВ.